

**ВЛАДИМИР
НАБОКОВ**

*Лекции
по зарубежной
литературе*

Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

«В 1940 году, прежде чем начать свою академическую карьеру в Америке, я, к счастью, не пожалел времени на написание ста лекций — около двух тысяч страниц — по русской литературе, а позже еще сотни лекций о великих романистах — от Джейн Остен до Джеймса Джойса. Этого хватило на двадцать академических лет в Уэлсли и Корнелле»¹.

Владимир Набоков прибыл в Америку в мае 1940 года. За работой выездным лектором Института международного образования и чтением курса русской литературы в летней школе при Стэнфордском университете последовали годы, проведенные в колледже Уэлсли, — с 1941-го по 1948-й. Первоначально он являлся единственным преподавателем на отделении русистики Уэлсли и читал там курсы стилистики и грамматики; кроме того, он подготовил обзорный курс по русской словесности в переводах («Русская литература № 201»). В 1948 году Набоков получил место доцента отделения славистики Корнеллского университета, где им были прочитаны лекционные курсы «Мастера европейской прозы» («Литература № 311–312») и «Русская литература в переводах» («Литература № 325–326»). Аннотация первого из них почти наверняка написана самим Набоковым: «Будут изучаться избранные анг-

¹ *Nabokov V. Strong Opinions. N. Y.: McGraw-Hill, 1973. P. 5. — Пер. М. Дадына.*

лийские, русские, французские и немецкие романы и рассказы девятнадцатого и двадцатого столетий. Особое внимание будет уделено индивидуальному дарованию и вопросам структуры произведений. Все иноязычные сочинения будут читаться в английских переводах». Этот курс включал «Анну Каренину», «Смерть Ивана Ильича», «Мертвые души», «Шинель», «Отцов и детей», «Госпожу Бовари», «Мэнсфилд-парк», «Холодный дом», «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда», «В сторону Свана», «Превращение» и «Улисса»¹. К преподаванию американской литературы Набоков в Корнелле допущен не был, поскольку не состоял на английском отделении. Весной 1952 года он читал лекции в Гарвардском университете в качестве приглашенного преподавателя.

Оставив преподавание в 1958 году, Набоков позднее планировал опубликовать книгу, основанную на материале его лекций, однако так и не начал претворять этот замысел в жизнь. (Лекции о «Мертвых душах» и «Шинели» вошли в текст книги «Николай Гоголь», изданной в 1944 году.) Предлагаемые читательскому вниманию тома² содержат набоковские лекции в том виде, в каком они читались в аудитории. Не говоря уже о том счастливом обстоятельстве, что в данном случае мы имеем дело с отзывами о шедеврах четырех литератур, принадлежащими крупнейшему писателю, его лекции заслуживают внимания широкой публики потому, что они являются надежным путеводителем по искусству художественной прозы как таковому. С пренебрежением относясь к трактовкам литературы с точки зрения школ и направлений и презирая критиков, видящих в ней средство общественно-политических посланий,

¹ Госпожа Набокова убеждена, что курс «Литература № 311–312» включал также Чехова, однако в студенческих конспектах, с которыми мы сверялись, разделы о нем отсутствуют. Возможно, что лекции о Чехове читались не каждый год.

² Здесь и далее речь идет не только о настоящем томе, но также о книге «Лекции по русской литературе». — *Прим. пер.*

Набоков стремился показать, как *работает* то или иное выдающееся произведение: «В годы моей преподавательской деятельности я давал своим студентам точные сведения о деталях, о таких сочетаниях деталей, которые способны озарить произведение, высечь искру, ибо без нее оно мертво. В этом плане общие идеи не имеют никакого значения. Любой осел способен понять отношение Толстого к адюльтеру, но чтобы наслаждаться его искусством, настоящий читатель должен представить себе, к примеру, каким был вагон ночного поезда «Москва—Петербург» сто лет назад. И тут лучше всего помогают чертежи. Вместо того чтобы увековечивать претенциозную чушь, которую педагоги несут, тщась истолковать названия глав — как гомеровские, хроматические и относящиеся к внутреннему содержанию этих глав, — лучше бы они запаслись картами Дублина, где отчетливо прослеживались бы точки пересечения маршрутов Блума и Стивена. Если не представлять себе заросли лиственницы в романе „Мэнсфилд-парк“, он потеряет свое стереографическое очарование, а если студент не представит себе фасад дома доктора Джекила, он не получит подлинного удовольствия от рассказа Стивенсона»¹.

Тексты лекций, собранные в этих томах, представляют собой плод преподавательской деятельности Набокова в Уэлсли и Корнелле — за исключением четырех, подготовленных для иных случаев. Ради удобства чтения они распределены на два тома, один из которых посвящен британским, французским и немецким писателям, а другой — русским.

В сентябре 1953 года, на первой лекции курса «Литература № 311», Владимир Набоков попросил студентов письменно объяснить, почему они выбрали именно этот курс. В следующем классе он с одобрением зачитал один из ответов: «Потому что мне нравятся сказки».

¹ Nabokov V. Strong Opinions. P. 156–157. — Пер. А. Г. Николаевской.

Принципы подготовки текста

Невозможно, да и бессмысленно скрывать тот факт, что нижеследующие очерки представляют собой расшифровку записей Владимира Набокова, которые он зачитывал вслух перед студенческой аудиторией, и что их нельзя рассматривать в качестве законченной литературной работы наподобие той, в которую превратились его лекции о Гоголе, подвергшись ревизии и став частью посвященной этому писателю книги. Упомянутые записи очень разнятся по степени готовности и окончательной отделке текста и даже по своей структурной завершенности. Большая часть их сделана рукой Набокова, с отдельными вкраплениями машинописи, принадлежащими его жене Вере и призванными облегчить процесс чтения; но некоторые тексты целиком написаны от руки, в частности лекции о Стивенсоне и Кафке и практически весь раздел о Джойсе. Раздел о «Холодном доме» в этом отношении крайне неоднороден, но рукописный текст все же преобладает. Поскольку на рукописных страницах сохранился каждый знак исходного чернового текста, у Набокова была возможность позднее перерабатывать его, расширяя во всех направлениях, — не только при перебелке, но и при последующем просмотре написанного, когда он в силу тех или иных причин корректировал как стиль, так и содержание своих лекций. Однако изменения — будь то замены или простые добавления — не всегда обнаруживают полное синтаксическое соответствие контексту, более того, необходимая в таких случаях унификация текста не производилась. В результате в тех местах, где правка была значительной, рукописные части текста нередко требуют редакторского вмешательства, дабы сделать пригодным для чтения то, что в устном исполнении без труда исправлялось на ходу или вовсе могло пройти незамеченным слушателями.

С другой стороны, машинописные страницы могут составлять значительную часть лекции, как это имеет место в случае с «Мэнсфилд-парком», но более всего —

в разделе о «Госпоже Бовари». Бросающийся в глаза контраст между эскизностью, отсутствием отделки рукописного текста (даже когда в нем есть следы правки) и сравнительной гладкостью машинописного заставляет думать, что, печатая фрагменты лекций мужа, госпожа Набокова могла свободно принимать те редакторские решения, которые шли на пользу процессу публичного чтения. Это оставляло Набокову возможность впоследствии перерабатывать те или иные страницы машинописи, добавляя новые комментарии или исправляя неудачные фразы.

В общем и целом было бы бессмысленно предлагать читателям эти записи в их наличной структуре и стилистике. Раздел о Стивенсоне существует лишь в виде черновых заметок, и, соответственно, за представленную в книге организацию его материала едва ли не целиком ответствен редактор. В других лекциях, впрочем, общий порядок изложения, как правило, не вызывает вопросов, поскольку он обычно соответствует хронологическому принципу, проведенному через всю книгу. Возникают, однако, трудности, из-за которых процесс подготовки текста осложняется необходимостью синтеза и редактирования. Так, мы имеем дело с разнообразными, не связанными друг с другом подборками страниц в отдельных папках — подготовительными заметками, которые делались на начальных этапах работы и либо не были уничтожены, либо подверглись правке и затем были включены в текст лекций. Однако назначение других таких самостоятельных частей не столь ясно, и не всегда можно с уверенностью сказать, отражают ли они поэтапное расширение текста вследствие ежегодной лекционной практики, или же это лишь наброски, которые предполагалось использовать в будущем. Определенные проблемы структурного характера влечет за собой наличие в некоторых лекциях добавленных или дублирующих частей, возможно адресованных иному типу слушателей. Всякий раз, когда это представлялось возможным, редактор стремился

сохранить для читателя весь подобный материал, не-явно подготавливающий и предваряющий основной текст, и инкорпорировал его в соответствующие по смыслу места лекционных рассуждений. Вместе с тем в книгу не вошли страницы с цитатами из критики, которые госпожа Набокова печатала для лекций о Прусте, Джейн Остен, Диккенсе и Джойсе, а также таблицы с расчетами сюжетного времени в обсуждаемых романах, составленные Набоковым для того, чтобы сверяться с ними при подготовке лекций.

Однако структура текста порождает и более серьезные проблемы, нежели собирание и инкорпорирование пригодного материала из набоковского «архива». Во многих лекциях Набоков перемежал свой хронологически выстроенный рассказ разрозненными наблюдениями касательно темы, стиля или влияния. Где именно предполагалось их поместить, как правило, неясно; более того, зачастую эти наблюдения носят незавершенный характер и являются не более чем краткими набросками, однако некоторые из них, напротив, представляют собой прелестные миниатюрные эссе. Редактору всякий раз приходилось решать, включать их в текст целиком, добавляя необходимые формальные связи, или — в тех случаях, когда материал этих наблюдений слишком фрагментарен, — помещать их элементы в какие-то другие, подходящие по смыслу места текста. Например, представленный в книге пассаж о разговоре Стивена с мистером Диззи в главе 2 первой части «Улисса» собран из трех разных частей рукописи. основополагающая цитата, видимо, не зачитывалась в аудитории (в настоящем томе она приведена по инициативе редактора), но студенты, держа перед собой открытые книги, могли сверяться с ее ключевыми моментами, которые Набоков обсуждает в следующем абзаце, говоря о раковине святого Иакова (см. с. 431 наст. изд.). Дальнейший же текст взят из другого отрывка, который начинается замечаниями о структуре, продолжается различными высказываниями о достоинствах и недостатках романа,

о параллелизме его тем, а завершается наблюдениями о разговоре Стивена с мистером Диззи — разговоре, понимаемом как иллюстрация флюберовского контрапункта, и о пародийности стиля Джойса, с цитатой из письма Диззи в качестве примера. Таким образом, везде, где это позволял материал, редактор имел возможность расширять лекционный текст и, исходя из контекстуальной близости, сохранять максимум набоковских суждений об авторах, их произведениях и искусстве литературы в целом.

Цитация играет существенную роль в преподавательском методе Набокова — она призвана помочь донести до слушателей его представления о литературном мастерстве. Настоящее издание последовательно воспроизводит эту особенность набоковского метода (исключая случаи за пределами объемных цитат-иллюстраций), ибо цитация в высшей степени полезна и для напоминания читателю тех или иных страниц известной ему книги, и для первого знакомства с нею под умелым руководством Набокова. Соответственно, цитаты обычно даются непосредственно за набоковскими наказами прочесть определенный фрагмент текста (как правило, отчеркнутый также в его собственном рабочем экземпляре книги) — с целью вызвать у читателя ощущение соучастия в рассуждениях лектора, создать «эффект присутствия» его в учебной аудитории в качестве слушателя. В ряде случаев упомянутые рабочие экземпляры содержат пометки, говорящие о намерении Набокова процитировать то или иное место, которое, однако, не было впоследствии упомянуто в лекционном тексте. Там, где эти цитаты представлялось возможным ввести в текст в помощь читателю, это было сделано. Несколько таких цитат, не упомянутых ни в лекциях, ни в рабочих экземплярах, были тем не менее отобраны и включены в текст в тех случаях, когда, на наш взгляд, требовалось проиллюстрировать высказывания Набокова. Его лекционная практика предполагала, что студенты следят за ходом рассуждений преподавателя, держа на

столах в раскрытом виде анализируемые книги, и, соответственно, при необходимости могут сверяться с текстами, ориентируясь на его указания; читатель данной книги, лишенный такой возможности, должен быть взамен обеспечен дополнительным набором цитат. Финальный монолог Молли в «Улиссе» — характерный тому пример. Совершенно особый случай, однако, имеет место в конце раздела, посвященного Прусту. Набоков выбрал в качестве материала для рассмотрения первый том эпопеи «В поисках утраченного времени» — «В сторону Свана». Последняя лекция о Прусте завершается обширной цитатой из размышлений Марселя в Булонском лесу о собственных воспоминаниях былого — размышлений, которыми заканчивается роман. Это впечатляющий финал, но он оставляет Марселя (а с ним и читателя) лишь на начальном отрезке пути к полноте понимания функций и свойств памяти как ключа к реальности, в обретении которой и заключается смысл «Поисков...». Размышления в Лесу — только один из множества способов созерцать прошлое, которые, шаг за шагом достраивая восприимчивость Марселя, готовят его к финальному переживанию, раскрывающему ту реальность, поиски которой были описаны в предыдущих томах эпопеи. Это переживание Марсель испытывает в великой третьей главе («Прием у принцессы де Германт») «Обретенного времени» — заключительного тома «Поисков...». Поскольку открытие, совершаемое в этой главе, является ключом к совокупному смыслу целой серии романов, всякий анализ Пруста, игнорирующий это обстоятельство и не акцентирующий различие между пышным цветением прустовской эпопеи и первым зерном, которое посеяно в романе «В сторону Свана», не достигает важнейшей из своих целей. Хотя набоковские лекции о Прусте завершаются цитатой из эпизода в Лесу, выбранная наугад пара фраз, не связанных напрямую с лекционным материалом, заставляет думать, что он мог обсуждать их со студентами, — главным образом потому, что обширные машинописные

цитаты из книги Деррика Леона о Прусте посвящены по преимуществу финальному эпизоду «Обретенного времени» и его объяснению. «Разобещающее» замечание Набокова: «...букет чувств в настоящем *и при этом* созерцание минувшего события или ощущения — вот когда сходятся чувства и память и обретается утраченное время», — является верным по сути и великолепным по форме описанием прустовской темы; но едва ли оно окажется достаточно внятным для того, кто не читал последний том эпопеи, если не приводить исчерпывающего объяснения, которое дает в «Обретенном времени» сам Пруст. Посему в этом исключительном случае редактор счел возможным расширить концовку лекции и подкрепить незавершенные заметки Набокова цитатами из финального тома «В поисках утраченного времени»: дабы более точно передать смысл снизошедшего на Марсея озарения, мы дополнили лекционный текст выдержками из прустовского описания того, как воспоминание превращается в реальность и в материал для литературы. Редакторскиеращения в этой части следуют духу набоковских замечаний и призваны завершить круг истолкования романа «В сторону Свана», который, помимо всех прочих его аспектов, в самом своем замысле является отправной точкой романного цикла.

Читателю этих лекций¹ следует принять во внимание, что в цитатах из Флобера нередко изменения и уточнения, которые Набоков внес в свой рабочий экземпляр перевода и которые проходят через весь текст; исправления, сделанные в переводах Кафки и Пруста, носят менее систематический характер.

Все использовавшиеся Набоковым экземпляры книг, рассмотрению которых посвящен этот том, сохранились. Как уже было сказано, переводные тексты содержат

¹ Это замечание редактора адресовано читателям англоязычного текста лекций и практически нерелевантно для настоящего издания, в котором цитируются имеющиеся русские переводы анализируемых Набоковым произведений. — *Прим. пер.*

сделанные рукой Набокова пометки между строк или на полях с его собственными переводами отдельных слов и предложений. Во всех этих книгах отчеркнуты фрагменты текста, предназначенные для цитирования, и сделаны заметки контекстуального характера, большая часть которых представлена и в рукописях лекций, хотя некоторые из них говорят о намерении Набокова сделать какое-то устное замечание насчет стиля или содержания конкретного отрывка. Во всех случаях, когда это представлялось возможным, комментарии из набоковских экземпляров были перенесены в соответствующие по смыслу места лекционного текста.

Набоков ясно сознавал необходимость выстраивать каждую отдельную лекцию таким образом, чтобы при чтении она укладывалась в установленный для аудиторных занятий пятидесятиминутный промежуток, и в его записях обнаруживаются маргиналии, означающие временную разметку материала. В самом тексте лекций есть ряд фрагментов и даже отдельных фраз, заключенных в квадратные скобки. Некоторые из этих скобок, как представляется, отграничивают материал, который мог быть опущен при недостатке времени. Другими, возможно, обрамлены фрагменты, вызывавшие у Набокова сомнение скорее по содержательным или стилистическим причинам, чем в силу временных ограничений; и как мы видим, некоторые из этих сомнительных мест были впоследствии удалены, иные же, напротив, сохранены в тексте и заключены в круглые скобки. В настоящем издании весь подобный материал, не подвергшийся удалению, аккуратно воспроизведен, однако обрамлявшие его круглые скобки редактор предпочел опустить, дабы не перегружать читательское восприятие¹. <...> С другой стороны, некоторые коммен-

¹ В представляемом русском издании квадратные скобки использованы внутри цитат для кратких пояснений контекстуального характера, принадлежащих редакторам английского и русского текстов. Внутрцитатные замечания, наблюдения и уточнения самого Набокова даются в круглых скобках курсивом. — *Прим. пер.*

тари Набокова, адресованные исключительно его студентам и зачастую касавшиеся сугубо педагогических вопросов, опущены по причине их несоответствия задачам данного издания (которое, впрочем, и без того позволяет читателю сполна ощутить атмосферу, царившую на лекциях). Среди подобных пропусков можно упомянуть объяснения таких самоочевидных вещей, как «Триест (Италия), Цюрих (Швейцария) и Париж (Франция)» в лекциях о Джойсе, предписания пользоваться словарем для поиска незнакомых слов и другие аналогичные комментарии, уместные в студенческой аудитории, но никак не на книжных страницах. В книге в целом сохранены всевозможные «вы», «вам» и т. д., подразумевающие слушателей и в определенных речевых ситуациях приемлемые для обращения к читателям; однако в ряде случаев они все же были заменены на более нейтральные формы адресации.

В стилистическом отношении большая часть этих текстов никоим образом не является воплощением слога и синтаксиса Набокова (как это, безусловно, было бы, если бы он сам готовил книгу к печати), ибо существует заметная разница между общим стилем этих аудиторных записей и блестящим языком нескольких опубликованных набоковских лекций. Поскольку лекции, представленные в настоящем томе, создавались для аудиторного исполнения и не предполагались к публикации без основательной переработки, было бы чрезмерным педантизмом стараться воспроизвести тексты *буквально*, расшифровывая каждый знак из довольно эскизного порой рукописного наброска. Редактору печатного издания позволительна определенная свобода обращения с нестыковками, авторскими оговорками и лакунами — в последнем случае подразумевающая необходимость добавлять отдельные звенья для связи цитат. С другой стороны, ни один читатель не захочет получить перелицованный текст, в котором были бы заметны попытки бесцеремонным образом «улучшить» написанное Набоковым — даже если бы эти «улучшения»

касались неотшлифованных автором фрагментов. Поэтому синтетический подход был решительно отвергнут, и опубликованный текст точно воспроизводит набоковский слог (за исключением случайных пропусков отдельных слов и нечаянных повторов, которые оставались невыправленными). В отдельных случаях, когда Набоков вписывал между строк добавления либо замены и при этом не исправлял и не вычеркивал прежний вариант, в тексте возникали стилистические или синтаксические противоречия, которые препятствовали чтению и требовали исправления. В нескольких местах синтаксические конструкции, вполне естественные в устной речи, нуждались в корректировке, обусловленной особенностями восприятия письменного текста. Незначительные неточности вроде случайных замен множественного числа единственным, опуск, затрагивающих орфографию и пунктуацию, пропуска кавычек, открывающих или закрывающих цитату, варьирующегося написания строчных и прописных букв, ненамеренных словесных повторов и т. п. исправлялись без специальных оговорок. Исходя из того, что настоящее издание выходит в свет в Америке, используемые Набоковым (впрочем, не вполне последовательно) британские орфографические и пунктуационные варианты были соответствующим образом модифицированы. Крайне немногочисленные английские идиомы подвергались замене, но все пограничные случаи — такие как специфическое набоковское употребление глагола «grade» — оставлены без изменений. По большей части, впрочем, слова, которые могут вызвать сомнения у читателя, растолковываются в существующих словарях — Набоков был заботливым автором. <...>

Исправления и изменения осуществлены по умолчанию. Как нам кажется, для читателя не составляет никакой практической ценности знать, что, например, в одном месте лекции о Джойсе Набоков ошибся и написал «ирландец» вместо «ирландцы», а в другом неточно привел название гостиницы, где прежде жил Блум (за-

менив «Городской герб» на «Королевский герб»), и т. д. Таким образом, текст снабжен лишь небольшим количеством сносок, принадлежащих как самому Набокову, так и редактору, который стремился дополнить издание интересными наблюдениями, почерпнутыми в рукописях или рабочих экземплярах книг с набоковскими пометками, и при возможности добавлял их к лекционному материалу. Планы лекций и технические записи Набокова, часто делавшиеся по-русски, опущены — равно как и памятки орфоэпического характера, касающиеся произношения долгих гласных и расстановки ударений в тех или иных именах и редких словах. Случаи, когда в то или иное место лекционного текста вставлялся не предназначенный туда фрагмент, не оговаривались, чтобы не нарушать цельности восприятия того, что должно читаться как единый поток рассуждений.

Открывающее книгу эссе «О хороших читателях и хороших писателях» реконструировано из фрагментов вводной лекции, не имевшей названия и предварявшей разговор о «Мэнсфилд-парке» — книге, с рассмотрения которой начинался учебный семестр. Финальное «L'Envoi» представляет собой извлечение из завершавших семестр наблюдений Набокова, которыми он делился, окончив разговор об «Улиссе» и перед тем, как обратиться к теме предстоящего экзамена.

Издания книг, которыми Набоков пользовался, готовясь к лекциям, выбирались им из соображений дешевизны и доступности студентам. Он невысоко ценил переводы, которыми ему приходилось пользоваться, и, как он сам признавался, зачитывал вслух отрывки из произведений иноязычных авторов в заранее измененном по его собственному разумению виде. <...>¹

¹ Опущен список американских изданий, по которым цитировались рассматриваемые Набоковым произведения, нерелевантный для русского издания лекций. Библиографические сведения об использованных русских переводах см. в персональных разделах настоящего тома. — *Прим. пер.*

Благодарности

Помощь, оказанную нам женой Владимира Набокова Верой и его сыном Дмитрием в период подготовки данной книги, невозможно должным образом оценить на этих страницах. С того момента, как была начата эта работа, они потратили бесчисленное количество часов, консультируя редактора и публикатора буквально по каждому аспекту подготовки текста к печати, терпеливо и неумолимо отвечая на бесконечные вопросы, касавшиеся структуры лекций и стилистических предпочтений Набокова. Их компетентные советы обогатили эту книгу многим, чего она в их отсутствие неизбежно оказалась бы лишена.

Искренней благодарности должны быть также удостоены следующие лица: Элси Албрехт-Кэрри, выпускающий редактор издательской корпорации «New Directions»; Альфред Аппель, профессор отделения английской литературы Северо-Западного университета; Брайан Бойд, профессор отделения английской литературы Оклендского университета; Дональд Д. Эдди, профессор отделения английской литературы Корнеллского университета; Ричард Элман, профессор отделения английской литературы Оксфордского университета; Пол Т. Хеффри, исполняющий обязанности главы отдела рукописей Библиотеки Конгресса; Кэтлин Джаклин, библиотека Корнеллского университета; Джоанн Макмиллан, Детский благотворительный медицинский центр; Нина У. Мэтисон; Мира Орт; Стивен Ян Паркер, редактор «Vladimir Nabokov Research Newsletter»; и, наконец, Стефани Уэлч, Университет Уэлсли.

Фредсон Бауэрс